

СТАЛКИНГ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

И.П. Смирнов

Университет Констанца (Германия)

Аннотация: *Ключевой чертой восточнославянской социокультуры автор считает склонность к многовластию. Парадигмообразующим моментом в развитии многовластия в России было создание Иваном IV опричнины, задачи которой автор статьи определил психолого-криминалистическим понятием «сталкинга» как особого вида нерегулярного произвольного психотеррора. Как показано в статье, «сталкинг» стал в России частью национального характера и идентичности.*

Ключевые слова: *империя, внутренняя колонизация, колониальное управление, колониальный тип господства, история русской культуры, история России.*

Склонность к многовластию всегда была свойственна восточнославянской социокультуре — неважно, какие формы принимала полиархия: княжеских усобиц в Киевской Руси; симбиоза удельного правления с инонациональным, татаро-монгольским; покушения множества самозванцев на монарший престол в период Смуты; церковной схизмы, последовавшей за реформами патриарха Никона; петербургско-московского двоецарствия при Петре Великом; запутанности престолонаследования, использованной декабристами для попытки государственного переворота; борьбы Советов и Временного правительства после Февральской революции; многостороннего соперничества президента, Думы, регионов и большого капитала в эпоху ельцинизма или, наконец, плохо замаскированных политических расхождений между Медведевым и Путиным. Было бы правомерно объяснить эту особенность русской истории, обратившись к ее раннему состоянию, о котором она была вынуждена помнить, дабы быть связной. Неавтокефальный статус восточнославянской церкви, зависящей от Византии (митрополиты назначались на Русь из Константинополя), обуславливал расподобление власти в стране на сакральную, чужую, и мирскую, собственную¹. В свой черед, светская власть дробилась, делалась парциальной, интернализуя ту неполноту, которой она отличалась в целом в качестве лишь дополняющей духовный авторитет Византии.

Именно на такое происхождение русской полиархии проницательно намекает «Сказание о Борисе и Глебе» (середина XI века). Виновник княжеских распрей, Святополк Окаян-

¹В своем отличии от церковной власти (то есть от новозаветной «благодати») княжеская наделялась в домонгольской Руси сильными ветхозаветными созначениями (ср. их хотя бы в обращениях к князю в «Молении» Даниила Заточника, XII век).

ный, был, как подчеркивается в этом анонимном тексте, приемным сыном Владимира, рожденным от бывшей монахини, гречанки, и Ярополка, брата крестителя Руси. Святополк здесь — наследник византийской сакральности, и вместе с тем он воплощает собой результат автохтонной борьбы за верховенство (Владимир убил Ярополка, будучи еще язычником) и ее новое начало в христианском контексте.

Решающим моментом в развитии многовластия на Руси было учреждение Иваном Грозным опричнины. По предположению, она компенсировала утрату государством сразу двух властных партнеров, вызванную «размирием» с татарами, с одной стороны, и падением Константинополя, с другой. Управление земщиной было не случайно доверено касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу (ставшему главой боярской Думы, а в 1575 году даже посаженному на московский трон): значительная часть народонаселения в Московской державе должна была тем самым словно бы заново испытать татаро-монгольское иго. Опричный же двор возрождал византийскую сакральность, имитируя монашеское братство и вбирая в себя также другие черты, называющие на то, что в данном случае мы имеем дело с *translatio impregii* в зачаточной форме². Обосновывая в Первом послании Андрею Курбскому опричные казни, Иван защищал их как превентивную меру, предохраняющую Москву от повторения судьбы Царьграда. Самодержец напомнил своему корреспонденту о том, что «безбожный Магмет» уничтожил «власть греческую, яко же ветр и буря зельна...» [Переписка Ивана Грозного... 1979: 23.]. Александровская слобода и опричный замок напротив Кремля явили собой, так сказать, спасенную в этих резиденциях Ивана Византию.

Из духовной провинции Византии и данницы Орды Русь превратилась в геополитическое пространство, искусственно, в собственном воображении подчиненное продублированному чужому господству. Введение опричнины и земщины стало началом безальтернативной автоколонизации восточнославянского региона. И светская власть (Симеона Бекбулатовича), и сакральная (самого Ивана, «от Бога данного царя» [Там же: 20], потомка «Августа кесаря» и игумена опричной обители) были конституированы как пришедшие извне, не укорененные в национальной почве.

Во второй половине XVI века полиархия осовременила, казалось бы, преодоленное (после захвата турками Константинополя) прошлое Руси и сделалась отсюда неизбываемой традицией, порождением русского самосознания³, программой для дальнейшего социокультурного становления (Иван отдавал себе в этом отчет, завещав опричнину сыновьям как «образец» [Скрынников 1975: 189]). Ситуация, которая сложилась в Киевской Руси вследствие усвоения христианской веры из Византии и которая тем самым базировалась на взаимодействии государств, получила в Московии самостийный характер, оказалась здесь производной от полностью суверенного волеизъявления⁴. Итак, Иван увековечил своими реформами многовластие, продемонстрировав, что прошлое всегда может быть восстановлено в виде симулякра, и возместив при этом игровую природу воображения тем, что использовал опричнину в качестве убийственного орудия.

Поведение Ивана можно определить термином «сталкинг», вошедшим в оборот в психокриминалистике и правоведении с середины 1980-х годов⁵. Индивид, практикующий сталкинг, навязчиво нарушает границы, в которых пребывает лицо, выступающее объектом домогательств — агрессивных или любовных (при том что последние принудительны, то есть смешивают Эрос и Танатос). Психотеррор, сопряженный с непрошеным вторжением в чужую частную сферу, нередко переходит в физическое (вплоть до убийства) насилие над

²О признаках первого и второго Рима в системе опричнины см. подробно: Смирнов 1991: 182-184.

³Ср. разительные параллели в деятельности Ивана Грозного и Петра: Панченко, Успенский 1983: 54-78.

⁴Ср. противопоставление «обычая» (принимаемого без рефлексии) и «традиции» (способной к варьированию и обновлению): Hobsbawm 2009: 1-14, особ. 2-3.

⁵Об истории термина и разных интерпретациях стоящего за ним явления см. подробно, например: Hoffmann 2006.

объектом притязаний. Лицами, на которых ведется охота, чаще прочих оказываются знаменитости и бывшие сексуальные партнеры.

В этом освещении искоренение знатных родов (автохтонной власти) и наказание изменников, составлявшие задачу опричнины, представляют собой stalking, принявший государственный масштаб, институционализовавшийся. Подобно тому, как сталкер периодически возобновляет преследование жертвы, Иван (страдавший, вообще говоря, циклотимией) то упразднял опричный террор, то вновь прибегал к нему.

По распространенному среди исследователей мнению, психику сталкера формирует травма, которую он получает в детстве, будучи лишенным контакта с кем-либо из взрослых, необходимых ему для выработки персональной идентичности (прежде всего с одним из родителей). Гипертрофия интимности («hyperintimacy»), которая отличает сталкера, с лихвой восстанавливает нехватку близости, пережитую им в раннем возрасте. Иван жаловался Курбскому на «сиротство», которое он испытывал после смерти матери с особенной остротой из-за того, что бояре бесцеремонно обходились с будущим монархом. В опричных гонениях на представителей земщины персональная травма Ивана отразилась в перемножении с национальной, вызванной той изоляцией, в которую русская социокультура впала после краха Византийской империи.

В качестве индивидуального действия stalking в высшей степени амбивалентен. Фиксированность домогателя на объекте предполагает, что субъект признаёт власть над собой этого (фетишизируемого) объекта, которую он, однако, превозмогает, ставя жертву в зависимость от себя⁶. Сталкер борется за господство над господством и, стало быть, обязан раздвигать образ власти. Недостача идентифицирующей ребенка инстанции компенсируется зрелым индивидом в акте добровольного подчинения некоему избраннику с целью захватить его в плен, устойчиво доминировать над ним.

Полиархия, установленная Иваном, возродившаяся в конкуренции Лжедмитрия с Борисом Годуновым и затем постоянно возвращавшаяся по ходу русской истории, — проявление stalking, ставшего национальным психическим комплексом. Автоколонизируя в своей пресловутой «всеотзывчивости», восточнославянский регион стремился, как то и бывает при stalking, побороть и превзойти овнутриваемую чужую власть, будь то польская — во время Смуты, западноевропейская — при Петре, ведущем войну со Швецией, или же та, что исходила от социал-демократического марксизма, который опровергала большевистская революция, развязанная не в индустриально развитой, а в аграрно-отсталой, только еще модернизирующейся стране⁷. Примеры из этой серии легко расширить, взяв в расчет их вариативность: так, Екатерина II, трон которой колебалась опять явившаяся самозванщина, приняла на себя роль, предписываемую монарху философией Просвещения, но была нетерпима к просветителям, осмелившимся действовать самостоятельно, — к Новикову и Радищеву.

Автоколонизация и ее снятие-преодоление — лишь одно из слагаемых русского stalking, пусть и важнейшее в нем. Вместе с тем он нуждался, дабы оттенять и подтверждать себя, в фоне, который он отрицал. В качестве максимума власти (преимущества над тем, кому отдается преимущество) stalking содержит такой негативный фон не в Другом, а в самом себе. В индивидуальном исполнении внушающая страх или эротически требовательная навязчивость то прерывается, то продолжается (иногда с усилением, жизненно опасным для целевой персоны). Сталкер требует от жертвы отказа от сопротивления и периодически

⁶В научной литературе stalking иногда объясняется как явление нарциссизма. Фиксация сталкера на объекте может иметь целью превратить таковой в нарциссистский автообъект, но бывает и иначе направленной, например садистски-деструктивно или вампирически-шизоидно. Основоположным при всей целевой изменчивости stalking остается сам охотничий синдром, само желание навязчивого субъекта постоянно пребывать в горизонте ожиданий жертвы-добычи.

⁷В этом плане автоколонизация в России лишь внешне, но вовсе не по своей сути сопоставима с «культом карго» — карнавальным разыгрыванием эволюционно продвинутого символического порядка, предпринимаемым носителями «примитивной» социокультуры; ср.: Броувер 1999: 49-66.

берет назад свои притязания, как бы предлагая обмен уступки на уступку. На национально-государственном уровне сталкинг также время от времени откладывается (по примеру, данному Иваном, который отменил в 1572 году первую опричнину и даже казнил ряд своих приспешников). Замирая на не слишком длительный срок, верховодящий в России сталкинг допускал и, более того, санкционировал зарождение народоправства, в какие бы формы оно ни выливалось: местного ли самоуправления, набравшего силу после реформ Александра II, ограниченного ли парламентаризма, возникшего в процессе революции 1905–1907 годов, или областнических свобод, объявленных Ельциным. Но эти зачаточные виды автохтонной власти либо были строго регламентированы и слабы в своей периферийности, подобно земским инициативам, разрешенным царизмом, либо существовали под угрозой ликвидации: Николай II распустил в июле 1906 года Думу первого созыва вскоре после того, как она приступила к работе, и точно так же большевики обошлись с Учредительным собранием, а самостоятельность, которой регионы добились на руинах советской империи, была попорана путинским авторитаризмом. Демократия и сталкинг исключают друг друга как два противоположных способа самоупражнения власти — сменной в согласии с *vox populi* в первом случае и мнимо отступающей во втором со своей позиции, чтобы тут же заглушить дарованный было народу глас.

Сталкинг, возведенный в России в ранг национального характера, имеет множество разноликих манифестаций, в которые здесь не место вдаваться и которые подлежат разбору в рамках специальных психо- и социоисторических исследований. В данной работе, не выходящей за пределы предварительной постановки вопроса, мне бы хотелось только наметить путь, позволяющий конкретизировать общее представление о русском сталкинге. Главным при этом кажется учет того обстоятельства, что присущая восточнославянскому геопространству автоколонизация не ограничивается партиципированием иноземных социокультурных образцов. Обреченные на подрыв, на оспаривание по мере принятия, они тем закономернее переходят из интерорганизации в интраорганизацию социальной практики, одомашниваются, превращаются из взятых для подражания в оригинальное жизнестроение. Автоколонизация оборачивается внутренней колонизацией. Таково было, скажем, закрепощение крестьян, грянувшее вслед за опричниной. Эта колонизация верхушкой общества народных масс предоставляла землевладельцам право на преследование тех, кто покидал поместья, то есть делала из дворян «сталкеров», узаконивала приравнивание межличностных отношений к собственническим. Но господствующий над господством сталкинг не гарантирует неприкосновенность собственности: она отнималась и у дворян (Александром II), и у буржуазии (чьи богатства были экспропрированы большевиками), и у крестьян (хозяйства которых были обобществлены по плану сталинской коллективизации), и в наши дни — у новоиспеченных олигархов. На первый взгляд, учреждение Николаем I в 1826 году, тотчас после Декабрьского восстания, Третьего отделения императорской канцелярии не имеет ничего общего с закабалением низшего сословия при царе Федоре Иоанновиче. Между тем эти институциональные нововведения одинаково создавали *imperium in imperio*, приносили избыточность в ту власть, которую отправляли как помещики над имущественно принадлежавшими им крестьянами, так и чиновники из ведомства Бенкендорфа, в чье поле надзора входили, по словам М.К. Лемке, «...дела почти всех министерств и главных управлений...» [Лемке 1909]. Надгосударственную специфику царской политической полиции унаследовала и усугубила советская⁸, которая уже при Дзержинском вербовала тайных сотрудников для слежки за высокопоставленными большевиками⁹.

Советская Россия не только подхватила дореволюционные традиции институционализованного сталкинга. Она эсхатологизировала его, сообщила ему вселенский размах. Страна, сосредоточившая в себе деятельность Коминтерна, была готова навязать свое господство в

⁸См. подробно: Смирнов 2004: 252 и сл.

⁹Соответствующее свидетельство см. в: Poroff 1925: 118.

любом участке земного шара, рассматривала как объект добычи весь остальной мир¹⁰. Чем более автоколонизация переставала быть имитированием других национальных социокультур, чем сильнее подражание субверсировалось, тем более экспансионистским становился русский сталкинг. Пресловутая формула Хрущева «догоним и перегоним Америку...» означала в известном смысле минимализацию сталкинга, осуществляемого страной, его возвращение в давно проложенное русло, тогда как путинская попытка сделать Западную Европу энергетически зависимой от России имела в виду повторить опыт сталинизма, потерпевший крах во время оттепели¹¹.

Под углом зрения психотипологии сталкинг представляет собой обращенную паранойю. Если параноик конституирует себя в роли преследуемого лица, то сталкер выступает не пациентом, но агенсом той же самой мании, опрокидывает ее на Другого. Согласно известной работе (1911) Фрейда, посвященной душевному заболеванию доктора юриспруденции Даниэля Пауля Шребера, *dementia paranoidea* возникает как защитная реакция субъекта на свойственный ему латентный гомосексуализм, как попытка бегства от фиксации на однополом либидинозном объекте¹². Шребера донимали среди прочего говорящие птицы, в которых трудно — как их ни интерпретируй — заподозрить символы гомосексуальной предрасположенности больного. Параноик спасается от угрожающей ему реальности, способной воплощаться в его психике в каких угодно (смотря по индивидуальным обстоятельствам) образах, в том числе, но отнюдь не обязательно, в эротических¹³. Он не интегрирован в среде, которая, со своей стороны, устремлена, как он полагает, к тому, чтобы насильственно присоединить его к себе. По всей видимости, паранойя ведет свое происхождение, как и сталкинг, от травмирующего ребенка отсутствия в его ближайшем окружении такой персоны, с которой он ассоциировал бы себя, которая служила бы ему главным партнером по общению. Говорящие птицы Шребера — продукт фантазии, которая заполняла обусловившую ее коммуникативную пустоту. Будущий параноик не знает над собой власти и потому позднее воспринимает преобладание объектного мира над субъектным, частно-определенным как опасность. В своей докторской диссертации (1932) Жак Лакан во многом (хотя и не безоговорочно) десексуализовал фрейдистское понимание паранойи, истолковав ее в качестве «сверх-я-психоза», результата «самонаказания», каковому подвергает себя индивид [Цит. по: Ласан 2002]. В этом освещении параноик оказывается проективно принимающим на себя ответственность за то, что он не обнаружил в детстве рядом с собой того, с кем мог бы сотрудничать как с авторитетом. Социализация становится поэтому для параноика карой, обрушивающейся на без вины виноватого, влечет за собой у субъекта вспышки страха и эскапизма. Подобного рода «центрифугальный страх» (Лакан) преобразуется у сталкера в центрипетальную агрессивность (часто, но не всегда эротически окрашенную). Сталкер социализуется в акте порабощения Другого, ищет гегельянское «признание» принудительным путем. Вина, испытываемая параноиком, переносится сталкером на внешнюю реальность, подлежащую суду. Психогенезис сталкера предполагает не только зияние на месте, которое должно было бы принадлежать взрослому, доброкачественно авторитетному для ребенка, но и занятие

¹⁰Ср. особенно в этой связи: Бердяев 1955.

¹¹Знаменательно, что кинематограф послесталинской эпохи обратился к мотивам сталкинга с тем, чтобы так или иначе нейтрализовать его. Лента Рязанова «Берегись автомобиля» (1966) облагораживает Деточкина (Смоктунковский), преследующего — в порядке самосуда — тех, кто несправедливо обогащается. В «Июльском дожде» (1967) Хуциева непрерывающиеся телефонные звонки неизвестного мужчины вовсе не досаждают героине фильма, но вырывают ее из жизненной рутины и помогают ей найти себя. В «Сталкере» (1980) Тарковский ставит в центр кинопоказа человека, которого неудержимо притягивает к себе «зона» — выморочное, мертво-живое, всеми покинутое пространство.

¹²О разных реинтерпретациях фрейдовской концепции паранойи см. подробно: Мазин 2009.

¹³Все же интересно, что Иван Грозный, затеяв опричный сталкинг, подчеркнuto предался девиантной сексуальности — открылся гомоэротике, а не утаился от нее в бредовых фантазмах.

этой позиции какой-либо негативной — в детских глазах — силой (допустим, боярами, тиранившими, если верить воспоминаниям Ивана Грозного, царя-подростка).

Лакан был, по-видимому, первым, кто увидел в сталкинге (не употребляя этого термина) обращенную паранойю. Разбирая историю болезни некоей Эме, страдавшей манией преследования, Лакан констатировал, что совершенное ею покушение на убийство знаменитой парижской актрисы избавило больную от симптомов паранойи. Сталкинг (терроризирование театральной звезды) перенаправляет, следовательно, чувство вины так, что у пациенса этого аффективного состояния открывается возможность для автотерапии, вытекающей из того, что гонимое существо становится нападающей стороной.

В социокультурном плане сталкинг и паранойя вступают в то же самое отношение взаимодополнительности, в каком они могут комбинироваться в действиях и воображении отдельно взятой личности. Уже «Сказание о Борисе и Глебе» выразительно описывает перевоплощение окаянного Святополка после поражения от Ярослава из братоубийцы в безумца, одержимого страхом преследования:

И нападе на нь бѣсъ, и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти, и несяхуть его на носилѣхъ. И прибѣгоша Берестию съ нимъ. Онъ же рече: «Побѣгнѣте, осе женуть по насъ!» И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящааго, ни женущааго въ слѣдъ его. И, лежа въ немощи, въсхопивъся глаголааше: «Побѣгнѣмы еще, женуть! Охъ мнѣ!» И не можааше тѣрпѣти на единомъ мѣстѣ... [Цит. по: Дмитриев, Лихачёв 1978: 296].

В дальнейшей русской истории параноидность выражала себя в разных формах, две из которых особенно важны ввиду их надвременной продуктивности. Во-первых, этот комплекс приобретал в условиях преобладающего в государственной политике сталкинга функцию терапевтической меры, призванной спасти страну от ложно выбранной стратегии. Для славянофилов-романтиков, чью идеологию можно рассматривать как внутреннюю эмиграцию в прошлое, такой уход из современности в родную старину должен был оздоровить национальную социокультуру, принести соотечественникам, по словам И.В. Киреевского, «...чувство восстановления (исцеления) <...> внутреннего единства и гармонии»¹⁴. Во-вторых, сам сталкинг в России мотивировал и легитимизировал себя на параноидный манер — в качестве защитной реакции на заговор¹⁵. Как правило, раскрываемая крамола (бояр, масонов, инженерной интеллигенции, старых большевиков, сионистов и т. д.) была мнимой (при том что действительно вынашивавшиеся заговоры, например, декабристов, странным образом терпелись правительством, осведомленным о них). Сталкинг побеждает не фактических врагов, но в нем самом потенциально содержащуюся и ему противоречащую параноидность, которая изживается в уничтожении вымышленных (или уже обезвреженных) преследователей. Там, где параноик впадает в паническое отступление под натиском собственных конспирологических спекуляций, сталкер предпринимает наступательные действия, вершит расправу и запугивает¹⁶. В.М. Бехтерев, диагностировавший у Сталина паранойю, был только поверхностно прав;

¹⁴Цит. по: Фатеев 2006: 106. Сотериологично и поведение русских странников (так сказать, народная паранойя), бегущих мира сего, чтобы быть приобщенными нездешним ценностям (см. подробно: Смирнов 2006: 236-250).

¹⁵Во время холодной войны конфронтация двух сверхдержав, СССР и США, вызвала к жизни и на Западе тот политический стиль, который обозначается как «conspiratorial paranoia»; см. в этой связи сборник статей: Marcus 1999; ср. также раннюю работу на эту тему: Hofstadter 1967. Разумеется, национальные социокультуры влижут друг на друга, и они пересекаются тем интенсивнее, чем глубже втянуты в соперничество.

¹⁶Право на подозрительность было зарезервировано в России за верховной властью, которая с сомнением относилась к параноюе своих подданных; Николай I наказал ссылкой князя А.Б. Голицына, донесшего в 1832 году об иллюминатском заговоре, якобы составленном должностными лицами, приближенными к императору, — см. подробнее в кн.: Гордин 1999.

мы имеем дело в данном случае с мегаломаном stalking, тем более мнительным, чем настойчивее и безграничней была в этой личности потребность в агрессии.

Как бы оценочно ни звучало сказанное о stalking, речь о нем шла не с критико-аксиологическим, но с характерологическим заданием. Каждая национальная социокультура по своему психична — своеобразна в той мере, в какой отклоняется от всех прочих образований того же уровня, то есть в той, в какой являет собой аномалию. Существует общее диахроническое движение разных этнических социокультур, в процессе которого командные позиции в смыслопроизводстве захватывает то один, то другой психотип, — например, истерический в период символизма или ориентированный садистски в последовавшую за этим эпоху авангарда¹⁷. Можно думать, что такие психотипы, поочередно выходящие на мировую (прежде всего евроамериканскую) сцену, располагают зеркальными отражениями, имеют в запасе собственное Другое — аналогично тому, как паранойя диалектически выворачивается наизнанку в stalking. Именно самости, антисимметричные по отношению к характерам, участвующим в развертывании универсальной логоистории, и оказываются «демонами» больших этносов, индивидуализуют ареальные традиции, если угодно, карнавализуют трансэтническую диахронию. Будучи отрицаниями психотипов, имеющих общеисторическое значение, эти самости правят в национальных социокультурах так, что любой индивид, подчиняющийся власти и тем самым подавляющий свою психику ради социализации, включается уже в силу автонегативности в систему мышления и поведения, которая отличает коллективно-родовое тело. Тот факт, что границы приватного пространства в России зыбко-нестойчивы, не означает еще, что всякий русский, игнорирующий их по неписанным правилам, — непременно сталкер в своей психической организации. Его психика может быть любой, но социальная рутина берет верх над личностными качествами.

В наше — постисторическое — время, в значительной степени стершее национальные особенности в ходе экономической глобализации, характеры, бывшие базисными для локальных социокультур, получают межрегиональное распространение, заявляют о себе повсюду, разыгрывают в синхронии те роли, которые были некогда релевантными для стадийной динамики мирового символического порядка. Правомерно видеть снятую истерическую экзальтацию в мистифицированных «я»-образах, в которых выражают себя пользователи электронной сети, или нейтрализованный садизм в пустом накоплении чудовищных мышечных масс, которое дает bodybuilding. Эдипов комплекс обращается в свою противоположность детьми, не покидающими на Западе родительские дома едва ли не до седых волос, а кастрационная тревога находит собственное Другое в медиализации тел, если и вытесняемых со своих мест, то не более чем экранными двойниками. Stalking, приковавший к себе общественное внимание после покушения Джона Хинкли (Hinckley) на президента Рейгана, принадлежит к парадигме только что перечисленных (далеко не полно) явлений современной психосоциальности. Национальный иррационализм — и среди прочего русский stalking — становится доступным для рационализации только теперь, когда национальное могло бы перейти в общелюдское достояние, когда оно обретает потенцию не быть более отчужденным от субъектности как таковой.

Бердяев Н. 1955. *Истоки и смысл русского коммунизма* (1937). — Париж.

Броувер С. 1999. Парадоксы ранней русской интеллигенции (1830-1850 гг.): национальная культура versus ориентация на Запад. — *Россия/Russia. № 2 [10]. Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология* / Сост. БА Успенский. — М.-Венеция.

Гордин Я.А. 1999. *Мистики и охранители. Дело о масонском заговоре*. — СПб.

¹⁷См. подробно: Смирнов 1994.

- Дмитриев Л.А., Лихачев Д.С. (ред.). 1978. *Памятники литературы древней Руси. Т. 1. XI — начало XII века.* — М.
- Лемке М. 1909. *Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. По подлинным делам Третьего Отделения Собственного Е.И. Величества Канцелярии.* СПб. / Russian Reprint Series, I. The Hague. — 1966. — 15.
- Мазин В. 2009. *Паранойя: Шребер — Фрейд — Лакан.* — СПб.
- Панченко А.М., Успенский Б.А. 1983. Иван Грозный и Петр Великий: концепция первого монарха. — *Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ)* [Института русской литературы АН СССР]. — Т. XXXVII. — Л.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским* / Текст подг. Я.С. Лурье и ЮД. Рыков. — Л.: 1979.
- Скрынников Р.Г. 1975. *Иван Грозный.* — М.
- Смирнов И.П. 1991. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. — Специальный том журнала: *Wiener Slawistischer Almanach*. Sbd. 28. — Wien.
- Смирнов И.П. 1994. *Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней.* — М.
- Смирнов И.П. 2004. *Социософия революции.* — СПб.
- Смирнов И.П. 2006. *Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности.* — СПб.
- Фатеев В.А. (сост.) 2006. *Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей.* — СПб.
- Hobsbawm E. 2009. Introduction: Inventing Traditions. — *The Invention of Tradition* / Ed. by E. Hobsbawm (1983). — Cambridge e.a.: Cambridge University Press.
- Hoffmann J. 2006. *Stalking.* — Heidelberg.
- Hofstadter R. 1967. *The Paranoia Style in American Politics and Other Essays.* — N.Y.
- Lacan J. 2002. *Über die paranoische Psychose in ihren Beziehungen zur Persönlichkeit und Früheschriften über die Paranoia* (= De la paranoia que dans ses rapports avec la personnalite suivi de Premiers ecrits sur la paranoia, Paris, 1975) / Übers. von H.-D. Gondek. — Wien.
- Marcus G.E. (Ed.). 1999. *Paranoia With Reason. A Casebook on Conspiracy as Explanation.* — Chicago-London: The University of Chicago Press.
- Popoff G. 1925. *Tscheka. Der Staat im Staate. Erlebnisse und Erfahrungen mit der russischen Auszerordentlichen [sic!] Kommission.* — Frankfurt am Main.